ВОСПОМИНАНІЕ О ГРАФѢ А. А. ЗАКРЕВСКОМЪ.

ГРАФЪ Арсеній Андреевичъ Закревскій можетъ считаться лицомъ историческимъ, по своей дѣятельности въ важныхъ государственныхъ должностяхъ, которыя онъ занималъ. Служба его дѣлается замѣтною съ турецкой войны 1807 года, въ которой онъ участвовалъ въ качествѣ личнаго адъютанта при главнокомандующемъ графѣ Каменскомъ. Эта должность положила начало его карьерѣ, ибо Закревскій не иначе вспоминалъ о графѣ Каменскомъ, какъ называя его своимъ благодѣтелемъ. Въ подмосковномъ имѣніи своемъ, Ивановскомъ, онъ поставилъ ему памятникъ съ надписью: «Моему благодѣтелю». Перейдя потомъ на службу къ фельдмаршалу Барклаю-де-Толли, во время войны 1812 года, Закревскій приблизился къ государю Александру Павловичу и занималъ высокій постъ дежурнаго генерала. Затѣмъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи. Финляндскій сенатъ поднесъ ему впослѣдствіи титулъ графа, нося уже который онъ занялъ должность министра внутреннихъ дѣлъ.

Министерство Закревскій оставилъ въ холерный годъ, и причиною этого были принятыя имъ санитарныя мѣры противъ эпидеміи. Онъ учредилъ карантины на границахъ губерній. Въ основаніи своемъ мысль эта, какъ оказалось впослѣдствіи, была вѣрная, но, примѣненная неумѣло, въ практикѣ породила крайнія неудобства. Карантины, вмѣсто того, чтобы пресѣкать холеру, способствовали ея распространенію. Государь былъ недоволенъ распоряже-

ніями Закревскаго, и графъ, не смотря на званіе генералъ-адъютанта, вышелъ въ отставку.

Въ 1846 году, т. е. слишкомъ 15 лѣтъ спустя, по смерти князя А. Г. Щербатова, упразднился постъ московскаго военнаго генералъ-губернатора,—государь Николай Павловичъ назначилъ опальнаго графа на эту должность, и въ доказательство возвращенія неограниченнаго своего довѣрія вручилъ ему бланки съ собственноручною подписью.

На новой должности графъ Арсеній Андреевичъ неизбѣжно долженъ былъ отражать, въ своемъ образѣ дѣйствій, духъ и настроеніе тогдашняго правительства.

Я познакомился съ графомъ уже въ концѣ его служебной дѣятельности, поступивъ къ нему на службу въ 1852 году—восемьнадцатилѣтнимъ юношею.

Хотя мнѣнія о графѣ различны, но личность его проходитъ въ моихъ воспоминаніяхъ какъ свѣтлое явленіе въ моей жизни.

Вслѣдствіе ли службы моей подъ его начальствомъ, или подъ обаяніемъ отеческаго и снисходительнаго его со мною обращенія,— но память о немъ для меня драгоцѣнна. Въ особенности же вспоминаю я его не въ качествѣ военнаго генералъ-губернатора, а въ качествѣ высокаго сановника, отживавшаго свой вѣкъ на покоѣ.

Въ эту горестную для графа эпоху я нерѣдко заѣзжалъ къ нему по утрамъ, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе, и онъ почти всегда приглашалъ меня обѣдать. Обѣдъ происходилъ обыкновенно въ кабинетѣ, а графиня, находясь на своей половинѣ, гостей къ обѣденному столу не принимала. На ломберномъ столѣ ставились два прибора, и графъ, съ неизмѣннымъ добродушіемъ, былъ всегда гостепріимнымъ хозяиномъ. Къ концу обѣда, однажды, я замѣтилъ въ графѣ особенное настроеніе. Хотя наружное спокойствіе всегда сохранялось на безстрастномъ его лицѣ, но я зналъ, что онъ въ душѣ носилъ глубокое горе. Любимая дочь его была за границей, куда выѣхала не по своему желанію. Расположеніе государя къ нему измѣнилось, и, привыкнувшій къ постояннымъ занятіямъ, графъ скучалъ отъ бездѣйствія.

Не помню, по поводу какого именно случая изъ прежней дѣятельности, онъ высказалъ мнѣ памятныя для меня слова:

«Я знаю, любезный Фигнеръ, что меня обвиняютъ въ суровости и несправедливости по управленію Москвою; но никто не знаетъ инструкціи, которую мнѣ далъ императоръ Николай, видѣвшій во всемъ признаки революціи. Онъ снабдилъ меня бланками, которые я возвратилъ въ цѣлости. Такое было тогда время и воля императора, и суровымъ быть мнѣ, по виду, было необходимо».

Благосклонное ко мнѣ расположеніе графа имѣло источникомъ своимъ его знакомство съ моимъ дядей — партизаномъ 1812 года. Оно началось еще въ турецкую войну 1807 года, когда главноко-

мандующій замѣтилъ и отличилъ моего дядю, что̀ и сблизило его съ Закревскимъ, состоявшимъ адъютантомъ при главнокомандующемъ.

Въ 1812 году, А. А. Закревскій, по просьбѣ дяди, навѣстилъ отца моего, въ городѣ Калишѣ, больнаго и раненаго послѣ сраженія подъ Островной. Съ того времени графъ знакомъ былъ и съ моимъ отцомъ. Когда я поступилъ на службу и представлялся въ первый разъ графу, онъ встрѣтилъ меня вопросомъ:

— Какъ здоровье твоего отца?

Въ то время отецъ мой былъ боленъ, и болѣзнь эта, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ, свела его въ могилу.

Кромѣ того, А. А. Закревскій, будучи давнишнимъ пріятелемъ А. П. Ермолова, зналъ объ его особенной ко мнѣ благосклонности.

Нѣкоторыя черты изъ жизни графа Арсенія Андреевича мнѣ извѣстны непосредственно отъ А. П. Ермолова.

А. П. Ермоловъ и А. А. Закревскій когда-то въ молодости жили вмѣстѣ, на одной квартирѣ, и судьбѣ угодно было въ послѣдніе годы ихъ жизни свести ихъ въ первопрестольной Москвѣ.

По словамъ А. П. Ермолова, графъ Арсеній Андреевичъ отличался всегда особенною скромностью и безукоризненной честностью. Происходя изъ незначительныхъ дворянъ, Закревскій жилъ жалованьемъ и потому постоянно нуждался; когда же достигъ онъ генеральскихъ эполетъ, при немъ состоялъ адъютантомъ Иванъ Васильевичъ Шатиловъ; Арсеній Андреевичъ называлъ его Иванъ Васильевичъ Красота, по его пріятной наружности.

Однажды, получивъ орденскую звѣзду съ брилліантами, А. А. просилъ Шатилова, въ присутствіи Ермолова, отнести звѣзду къ ювелиру и вставить вмѣсто настоящихъ поддѣльные брилліанты.

— Настоящіе-то, братъ, продай,—добавилъ А. А.:—заплатимъ кое-какіе долги, а на остальныя будемъ пока жить.

Въ послѣдствіи же,—разсказывалъ А. П. Ермоловъ,—А. А. Закревскій былъ уже богатъ, и у него былъ управляющій,—нѣкто по фамиліи Коризна,—А. А. уполномочилъ его полною неограниченною довѣренностью. Но вдругъ этотъ управляющій внезапно исчезъ, и Закревскій потерялъ значительную сумму, украденную управляющимъ. А. А. при этой катастрофѣ остался невозмутимъ и не только не преслѣдовалъ вора, но даже называлъ его своимъ благодѣтелемъ. На вопросъ, почему онъ его считаетъ своимъ благодѣтелемъ, Закревскій отвѣчалъ, что Коризна поступилъ съ нимъ великодушно, такъ какъ по силѣ довѣренности могъ его лишить буквально всего состоянія, между тѣмъ какъ, взявъ только часть, онъ далъ ему хорошій урокъ, чтобы впредь быть осторожнѣе.

Императоръ Александръ Павловичъ, оцѣнивъ достоинства Арсенія Андреевича и зная его недостаточныя средства, женилъ его на графинѣ Толстой, въ то время одной изъ богатѣйшихъ невѣстъ.

Бракъ этотъ имѣлъ романическую подкладку. Невѣста любила

другаго и рѣшилась выйдти за Арсенія Андреевича условно, исполняя волю императора. Первые годы ихъ супружества походили на отношенія короля прусскаго Фридриха Великаго къ королевѣ-супругѣ. Впослѣдствіи отношенія эти измѣнились къ лучшему, и плодомъ ихъ была единственная дочь, обожаемая графомъ. Малѣйшія желанія дочери были для него закономъ. Но Лидія Арсеньевна не была счастлива въ бракѣ съ графомъ Нессельроде, сыномъ государственнаго канцлера.

Графиня жила у своихъ родителей въ Москвѣ, въ то время, когда графъ Арсеній Андреевичъ былъ въ апогеѣ своего могущества. Окруженная раболѣпнымъ вниманіемъ, графиня Лидія Арсеньевна была царицей московскаго высшаго общества и походила иногда на избалованнаго ребенка; но, имѣя добрѣйшее сердце, часто употребляла свое вліяніе на отца для добрыхъ дѣлъ, въ смыслѣ покровительства и защиты.

Отношенія графа къ графинѣ Аграѳенѣ Ѳедоровнѣ были ровны и почтительны. Казалось, между ними существовала ничѣмъ не нарушаемая дружба и взаимное уваженіе.

Графиня Лидія Арсеньевна проводила время въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій. Балы, рауты, пикники, dejeuners dansants, домашніе спектакли—слѣдовали одинъ за другимъ почти безпрерывно. Баловство и нѣжность къ дочери были причиною переворота въ судьбѣ графа и, можетъ быть, ускорили его кончину.

Но, обращаясь къ графу, опишу нѣсколько его внѣшность.

Тонъ и рѣчь графа отличались необыкновеннымъ лаконизмомъ. Онъ разговаривалъ только отрывистыми фразами и болѣе дѣлалъ вопросы, нежели отвѣты, избѣгая длинныхъ разсужденій; но все, что высказывалъ, было обдуманно и имѣло тонъ рѣшающій.

Полная, осанистая фигура его до сихъ поръ живо представляется въ моей памяти. Его постоянная поза — съ подпертою рукою, прижатою къ лѣвому бедру: два среднихъ пальца этой руки иногда были засунуты въ прорѣзъ для шпаги мундирнаго сюртука, въ которомъ онъ обыкновенно былъ одѣтъ. Лицо графа было гладко выбрито, и нижняя губа особенно выдвигалась впередъ. Профиль графа легко врѣзывался въ памяти, и я часто чертилъ его карандашемъ.

Однажды, о чемъ-то задумавшись, я сидѣлъ одинъ передъ дверями кабинета и машинально чертилъ этотъ профиль. Въ это время, кто-то подошелъ ко мнѣ сзади и положилъ руку на плечо. Я оглянулся—это былъ графъ, я обомлѣлъ отъ испуга; но графъ ласково сказалъ: — «Ничего, ничего—рисуй мои каррикатуры».

Послѣ того, мнѣ думалось, что служба моя испорчена и благосклонность графа навсегда потеряна. Когда же я явился на слѣдующее дежурство, графъ добродушно встрѣтилъ меня словами:— А что запасся карандашами—рисовать мои портреты?

Во время генералъ-губернаторства, графъ былъ окруженъ многочисленнымъ штатомъ чиновниковъ: военныхъ, гражданскихъ, для особыхъ порученій, прикомандированныхъ, и чиновниковъ канцеляріи. Нѣкоторые исправляли очередное дежурство при генералъ-губернаторѣ и должны были являться съ ранняго утра. Когда чиновникъ являлся, то графъ обращался къ нему почти съ одними и тѣми же вопросами: разсказывай, гдѣ былъ? что дѣлалъ? что слышалъ? Эти вопросы остались мнѣ памятны, такъ какъ приходилось ихъ слышать много разъ.

Графъ вставалъ обыкновенно въ 5 часовъ утра и прохаживался по заламъ верхняго этажа. На немъ былъ тогда шелковый зеленый халатъ и одна рука за пазухой. Дежурный чиновникъ являлся въ восемь часовъ утра и заставалъ его гуляющимъ. Вскорѣ потомъ графъ отправлялся въ свою уборную, гдѣ камердинеръ его, престарѣлый Ѳаддѣй Ивановичъ, ожидалъ уже съ нагрѣтыми щипцами, чтобы завить ему единственную, остающуюся у него прядь собственныхъ волосъ. Эта прядь, начинаясь отъ самаго подзатыльника, загибалась вверхъ, на маковку головы, гдѣ, завитая кольцомъ, должна была держаться на совершенно обнаженномъ черепѣ. Оригинальность такой головы давала заманчивый матеріалъ рисовальщику.

Обращеніе графа съ его подчиненными, особенно съ адъютантами, было патріархальное. Онъ любилъ нерѣдко надъ ними подшучивать.

Напримѣръ, маіора Шеншина, имѣвшаго довольно комичную, круглую фигуру и лысину, онъ называлъ просто: плѣшандасомъ, и безъ церемоніи иногда говорилъ:

— Позвать ко мнѣ плѣшандаса!

Изъ числа адъютантовъ — болѣе всѣхъ были замѣтны: князь Четвертинскій, князь Оболенскій, князь Абомелекъ и Северъ Алексѣевичъ Ермоловъ.

Этотъ составъ, помнится мнѣ, былъ въ первые годы моей службы, впослѣдствіи же многіе смѣнились, но князь Абомелекъ оставался неизмѣннымъ.

Изъ этихъ адъютантовъ князь Четвертинскій выдѣлялся особенно красивою наружностью. Онъ былъ высокій, стройный брюнетъ, съ тонкими чертами. Князь Абомелекъ составлялъ его противоположность. Онъ былъ малъ ростомъ и имѣлъ некрасивую, но выразительную азіатскую физіономію; чтобы казаться выше, онъ носилъ сапоги на высочайшихъ каблукахъ, и имѣлъ комическую способность изображать знакомыхъ лицъ мимикою, подражаніемъ голосу и тѣлодвиженіями. Однажды, мнѣ случилось видѣть, какъ онъ изображалъ графа, и притомъ въ его присутствіи.

— А ну-ка, — сказалъ графъ: — представь митрополита.

Князь представилъ и митрополита. Графъ же шутилъ надъ княземъ Абамелекомъ и называлъ его «Армяшкой».

Впрочемъ, князю Абамелеку нетрудно было воспроизвести типъ графа. Какъ я уже сказалъ, въ немъ было много оригинальнаго. Хотя у него была полная, пухлая и красивая рука, но онъ имѣлъ привычку поднимать ее немного къ верху, оборачивая при этомъ ладонью впередъ, такъ что это движеніе походило на руку, васъ благословляющую, слова же при разговорѣ какъ-то растягивалъ, отчего его разговоръ шутя сравнивали съ чтеніемъ акаѳиста. При всемъ томъ, тонъ и манеры графа обличали въ немъ опытнаго придворнаго.

Мнѣ всегда казались загадочными отношенія графа А. А. къ старику А. С. Безсонову. Хромоногій старичекъ ничѣмъ особеннымъ не отличался. Это былъ типъ мелкаго чиновника, и служилъ онъ въ петербургской дворянской опекѣ, но почему-то былъ принятъ у всѣхъ высокопоставленныхъ лицъ, между прочимъ, былъ вхожъ къ князю Ал. Ѳед. Орлову, имѣвшему тогда при дворѣ особенное значеніе. Въ кабинетѣ графа Закревскаго лежала пачка конвертовъ, съ приготовленною надписью Александру Степановичу Безсонову. Эта пачка лежала на конторкѣ, у которой графъ писалъ иногда стоя.

Когда случалось мнѣ ѣздить въ Петербургъ на нѣсколько дней, я являлся къ графу, прося изъ вѣжливости какихъ либо порученій. Онъ постоянно давалъ мнѣ письма къ Безсонову.

— Возьми это письмо,—говорилъ онъ:—и свези къ Безсонову. Этимъ ограничивались всѣ порученія, и замѣчательно, что то же самое повторялось нѣсколько разъ.

Но въ графѣ нерѣдко проявлялась энергія и мудрая прозорливость правителя. Разскажу одинъ случай, оставшійся въ моей памяти.

Князь N., нуждаясь въ деньгахъ, обратился къ извѣстному въ Москвѣ ростовщику Эйхелю, предлагая вексель на порядочную сумму, но Эйхель не желалъ ограничиться векселемъ и требовалъ цѣннаго залога. Князю нужны были деньги, и онъ рѣшился заложить фамильные брилліанты высокой цѣнности. Ростовщикъ, выдавъ деньги, назначилъ срокъ, обезпечивъ себя роспискою, что, въ случаѣ неуплаты въ назначенный срокъ, имѣетъ право брилліанты продать.

При приближеніи срока, князь спѣшилъ возвратить деньги и потому заранѣе отправился къ Эйхелю, но не засталъ его дома, повторилъ свой приходъ на другой и третій день, но все напрасно. Въ это время срокъ истекъ, и князь, наконецъ, засталъ дома залогодержателя. Но тотъ объявилъ ему, что за пропускомъ срока брилліанты уже проданы, и онъ едва выручилъ свои деньги.

Взбѣшенный князь поспѣшилъ лично къ генералъ-губернатору и объяснилъ свою жалобу.

Графъ, выслушавъ князя, немедленно потребовалъ ростовщика. Трепещущій ростовщикъ былъ приведенъ въ кабинетъ графа.

— Ты бралъ въ залогъ брилліанты?—спросилъ его грозно графъ.

— Точно такъ, ваше сіятельство, но они уже проданы, потому что князь не заплатилъ въ срокъ деньги. Вотъ собственноручная росписка.

Графъ молча позвонилъ въ колокольчикъ. Въ кабинетъ вошелъ дежурный чиновникъ.

— Позвать жандарма!

Явился жандармъ, гремя саблею и шпорами.

— Возьми ты этого господина, — сказалъ графъ, указывая на ростовщика: — и сведи къ нему на квартиру, а ты покажи, гдѣ твоя шкатулка, въ которой хранятся брилліанты и деньги. Да немедленно возвращайся съ нимъ и съ его шкатулкой.

Черезъ нѣсколько времени, ростовщикъ и шкатулка, въ сопровожденіи жандарма, были въ кабинетѣ графа.

— При тебѣ ключи? отопри! — сказалъ графъ ростовщику.

Полумертвый отъ страха, Эйхель отперъ шкатулку, — тамъ находились брилліанты князя въ цѣлости и сохранности.

Тогда графъ обратился къ ростовщику.

— Ты сказалъ, что брилліанты продалъ, а вырученныя деньги получилъ по уплатѣ долга, ну, такъ и удовольствуйся этими деньгами, а вы, князь, получите свои брилліанты. Да смотри, — прибавилъ графъ ростовщику: — чтобы впередъ этого не случилось, а то въ 24 часа вылетишь вонъ!

Казалось, что служба моя при графѣ Закревскомъ имѣла благопріятныя условія для дальнѣйшей карьеры, но судьба человѣка зависитъ отъ случайностей, не подчиняющихся теоріи вѣроятностей; на мою же судьбу вліяла роковая наслѣдственная болѣзнь. разрушившая всѣ задатки счастья.

Эта болѣзнь, выражавшаяся въ особенной воспріимчивости нервъ и впечатлительности, и не состоявшаяся женитьба на любимой дѣвушкѣ побудили отца моего отправить меня за границу.

Графъ разрѣшилъ мнѣ отпускъ, и я явился, чтобы проститься съ нимъ. Онъ былъ одинъ въ кабинетѣ и стоялъ у письменнаго стола.

— Ты ѣдешь за границу, — сказалъ онъ: — и вѣрно побываешь въ Парижѣ, берегись, это городъ большихъ соблазновъ, помни мое наставленіе, я тебѣ замѣняю отца.

При этомъ графъ благословилъ меня и обнялъ.

Я пробылъ за границей долѣе, нежели предполагалъ, а графъ вскорѣ былъ уволенъ отъ должности генералъ-губернатора и остался жить въ Москвѣ частнымъ человѣкъ.

А. В. Фигнеръ.